ВИКТОР МАМЧЕНКО

Париж 1951

Неукротимая надежда
Светла, прекрасна и легка —
Как в счастьи брачная одежда
И золотые облака.

Преображенною природой
Душа коснется бытия, —
Земной любовью, не свободой,
Сильна она, как Судия.

Дорогому Эммануилу
Райсу
дружески
Виктор Мамченко

18/I 51 Париж.

ВИКТОР МАМЧЕНКО

ЗЕМЛЯ И ЛИРА

ПАРИЖ 1951

ОБЛОЖКА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА
Ф. С. РОЖАНКОВСКОГО

Когда и сновиденья чередой
Спешат уйти от скованной надежды,
Когда печаль предельною чертой
Глаза слепит, и тяжелеют вежды,

И память долго тихою рукой
Стучится вновь, у сердца замирая,
Тогда встает огромная, земная
Любовь — как свет, как огненный покой.

Она одна в неистовом бою, —
Зовет тебя и верных в испытаньи,
И держит руку слабую твою —
Как никогда — в сияющем свиданьи.

Враждебная к твоей холодной мгле —
Она с тобой везде в творящей воле...
Так — воин не один на ратном поле,
Когда за ним бессмертье на земле.

БЕССОННИЦА

Высокой тишиной, как в счастьи,
Раскрыта ночь. Весна опять.
И звездное — в чудесной власти, —
Чтобы молиться и сиять.

И снова голосом забвенья,
Сдержав стремительный полет
И силу неземного пенья,
Душа о радости поет.

Усни дитя. Земля ночная
Во сне с тобою говорит.
Я тоже думаю, мечтая,
Что всё печальное сгорит.

Мне спать нельзя, еще не время, —
Звезда востока не пришла...
Пусть буду волхф, а ты — то племя
Которому звезда взошла.

II

Поверь, дитя, здесь будет мир
Прекраснее твоих видений,
Взлетишь до счастья, без падений,
На зов благословенных лир.

Не много времени пройдет
В твоем внимательном пристрастьи,
Ты не запомнишь чуждой власти,
В глазах не встретишь страшный лёд.

И будешь трепетно внимать
Тому печальному преданью,
Когда сквозь смерть бежала ланью
С тобой твоя больная мать.

На молодом ее лице,
Быть может, тени грозовые
Увидишь ты, — как-бы живые
Воспоминанья об отце.

ЗЕМЛЯ

Сколько радости случайной
В этой звездной тишине,
Легкости необычайной
В пролетающей весне.

К полуночному покою
Слышу зовы, голоса,
И прохладною рукою
Закрывают мне глаза.

И с мечтою терпеливой,
Как во сне, едва дыша,
Беспокойно, торопливо
Спорит жаркая душа.

Что в покое мне крылатом, —
Я один, она внизу,
Только тень, как счастье рядом,
От нее с собой несу.

А на ней горит, порою
Как любовь и как весна, —
Человеческой зарею
Пробуждение от сна.

II

Восторгом тихого забвенья,
Как-бы восставшая из сна,
Среди пленительного пенья
Ты и печальна и ясна.

Ночное небо в счастье шире
Простерто далью без конца,
Чтоб ты для всех горела в мире
Улыбкой звездного лица.

В ночи холодной и суровой
Руками братьев соткан свет;
Прекрасна ты в одежде новой,
Тебя прекрасней в мире нет.

Что может быть тебя дороже,
И как молиться без тебя,
И сердце бьется только строже,
Твою печаль в тебе любя.

Прими прозрачное сиянье
Весны склоненной над тобой, —
Она летела на свиданье
Уже над мертвою судьбой.

III

В лесу сегодня тишина большая,
Высоко дышет легкая весна,
Летит земля средь звезд, не заглушая
Биенье сердца голубого сна.

Луна в зените — как печаль прекрасна,
Как след земли — сиянье в небесах;
Не верю я, что жертвенно напрасна
Любовь людей на огненных весах.

И новый день величия и славы,
Взволнованный любовью и огнем,
Растет из сил трагической октавы,
Когда мы верим, плачем и поем.

Какая нежность в предрассветной ночи,
И как уверенно душа летит...
Раскрой, дитя, возлюбленные очи, —
Земное царство на тебя глядит.

ПОЭЗИЯ

С улыбкой солнечной ты рада
Итти дорогой голубой,
Летит зеленая прохлада
Широким светом над тобой.

И в очи жизни дорогие
Ты хочешь вечностью смотреть,
И крылья вскинуты тугие —
Икаром иль звездой гореть.

Тебя теснят сердца сухие,
Какой-то осенью шурша,
Сильнее сумрачной стихии
Твоя творящая душа.

Не побежденная законом
Вотще покорности слепой,
На смерть ты первая со стоном
Свободно жертвуешь собой.

У ПОРОГА

Июнь и ночь и с влажною землею
Летят они, за ними — звездный след;
Куда они, куда летят со мною,
И этот свет во мне, горячий свет.

На холмах лес и розы у порога
В кружении цветущего тепла —
Как человеческая нежность, как тревога,
Как счастье мне, и не пугает мгла.

Вторят свои волнующие речи
Земля, любовь, земля моя,
И в них — призвания, возможности и встречи,
Раскрытые крылатые края.

Горят как звезды новые творенья
В глазах людей, почти во всех глазах...
Спокойной ночи вам, не надо и смиренья,
Ни униженья в огненных слезах.

Вечерний час. Высоко пролетела
Тревога светлая. Крылата тишина.
В ней музыка земли и зрима и слышна,
Она — как ты, мечта, — и без предела.

Как ты она, — сияние и нежность,
И снят живым творящий мир с креста;
Как ты, любовная, она проста, —
Огонь сердец на ней и белоснежность.

Мечта и музыка. Видение такое —
Как будто мир до счастья долетел...
И разве ты, мой бог, не этого хотел
В свободе темной и в твоем покое?

ЖИЗНЬ

Где нет надежд, любви, призваний,
Где сердце холодно молчит,
Где, в час весны высокий, ранний,
В окно никто не постучит, —
Её я вижу затаенной,
Униженной, и всёж влюбленной.

С каким неведомым названьем
Из дальних лет она летит,
Каким еще очарованьем —
Или слезами — отзвенит, —
Всегда мучительно знакома
От роста ввысь и до излома.

И под какими небесами
Зажжет она свои огни,
Мерцая темными глазами
На догарающие дни;
И не уклонится от взгляда,
Когда измученна и смята.

Но если в ком-нибудь она,
Как-бы к самой себе влекома,
Самовлюбленна и одна,
Без родины, людей и дома, —
Она уйдет, и навсегда,
Без памяти и без следа.

Сияет вновь огромный день
Своей пленительною властью;
К предельному иль к счастью
Простерта новая ступень...

И ты со мной, и голос твой
Исполнен девственной надежды, —
Как-бы венчальные одежды
Надеты жизнью голубой.

Не меньше всех погибших здесь
С бедой земною ты знакома,
Но днем не бывшим ты влекома,
В глазах твоих он светел весь.

Мне кажется, вокруг тебя —
Иные души, жизнь иная,
А ты, пророчеством больная,
Не помнишь боли и себя.

Закрытых глаз касаются порою
Виденья чудные, и благостны они, —
Все мирные. Вот там — портовые огни
В ночи горят под темною горою,
А здесь — сосновый взлёт и серебро олив.
Далекая луна скользит в морской залив...

И вдруг всё вспыхнуло, горит высоким днем :
Ручьи текут среди садов тенистых,
Плоды в руках мозолистых и чистых
Мерцают влагою и солнечным огнем;
И песнями овеянные дали
Близки вечерней сладостной печали...

И утро росное. К холмам дорога —
В полынном запахе — пустынна и тиха;
Уводит прочь она от лени и греха
До крестьянского высокого порога,
До поздней ночи вдруг, медлительной в пути, —
Чтобы себя забыть, чтобы себя найти.

...Усилье ложное, — открытые глаза
Слова в крови газетные читают;
Видения — как птицы улетают
Под небом ледяным. И только голоса
Звучат победные — о счастье и свободе, —
Мечтой труда, бессмертного в народе.

Не укротимо вечно счастье дорогое, —
В глазах его, потерянно родных,
Шумят огнем и солнце золотое,
И звезды росные в цветах степных.

Дыханье легкое земли струится
Высокой ясностью ушедших лет.
Как хочет всё для счастья повториться,
Войдя с землею в огненный рассвет!

И тихое ночей очарованье,
И сердца звонкий взлет в ответ призванья
Душа внимает, любит и горит
Средь наважденья злобы и забвенья,
Когда и ум холодный говорит,
Что людям нет от гибели спасенья.

В белых крыльях, будто-бы в дозоре
Гении морские, на простор
В жарком свете уплывают в море
Яхты, сердце и тревожный взор.

В синей глуби — золотая влага
Солнца южного и пленная печаль;
Боли нет, ни горестного блага,
Только времени отсчитанного жаль.

За чертой надежды и печали —
Это-ль сон или миражный взлёт, —
Где земле погибель обещали —
Брачный хор о счастии поет.

Ближе, ближе, золотые дали, —
Будьте здесь с возлюбленной семьей...
Отчего вы, люди, так рыдали
Над больной, прекрасною землей.

Над морем ночь, огни и теплое теченье
Луны медлительной, из вод восставшей вдруг;
Не много любит страшное ученье
Слепой покорности, скользя по аду вкруг.

Покорность злобному... Не может быть сомненья —
И скорбное земли должно уйти навек...
Смотри, смотри : на краткое мгновенье —
Огромный сад средь звезд, и любит человек.

Не больно в радости, не больно в счастье этом;
Какою силою виденье удержать!
Куда летишь, земля, сгорая светом,
Чтоб так у сердца биться и дрожать.

ПРОВАНС

Никнет ветер золотой
Над сожженною равниной —
Деревенской и невинной
И по-древнему святой.

Синь далекая холмов —
Как ближайшая преграда,
Утешенье и награда
Сонной ветхости домов.

Церковь дремлет. Ей не нов
Мир большой, в грехах огромный,
И молчит, как замок темный
Из тяжелых валунов.

И в оливковых садах
Солнце прахом жарко дышет,
И земля лежит, не слышит
Счастья близкого в годах.

Сколь счастлив я — не в небе Синей Птицей,
Что сказочно летит на облаках, —
Земля средь звезд прекрасною столицей
Как сердце бьется в творческих руках.

Она еще не в брачном одеяньи,
Еще не убрана, тиха, грустна,
И только счастье в медленном сияньи
Над ней горит, как звездная весна.

И счастлив я еще и тем отныне,
Что мне дано благую весть нести
Здесь, в трудной этой и большой пустыне,
Где розы брачные должны цвести.

Среди враждебности земной,
Среди стихийного ненастья,
Виденьем верным предо мной,
Как свет поэзии и счастья,
Горит мечта, и сердце в ней
Ровнее бьется и сильней.

И нет покорности тогда
Пред равнодушием лукавым
Или обычаем кровавым,
Когда беспечная среда
Стоит огромною толпой,
Самодовольной и слепой.

Тогда и небо говорит,
Когда в любви земное тело
Звездою утренней горит,
И снова творческое дело
Мечта ведет улыбкой дня,
Как-бы из солнца и огня.

ЖАЖДА

Бывает так порою в час разлуки,
Когда опять, как будтобы средь льдин, —
Еще прощальные с тобою звуки
И ты уходишь прочь, во тьму, один, —

Вдруг слышишь хор и музыку, и речи,
Забыв что значит страшная беда,
Приветы слышишь радости при встрече
И как шумят счастливо города.

В горах звенит движением высоким
Севан, как море, полное воды,
Чтобы цвели дыханием глубоким
Душа Армении, поля, сады.

И в золоте Туркмении зеленой,
Где гнезда вьёт себе крылатый век,
Туркменка славит песней изумленной
Хмельное солнце средь озер и рек.

И синий свет горячей Украины, —
Как Море Черное, шумит в Днепре...
И тают вкруг тебя и тьма и льдины,
Ты не один, ты жив, ты пьян в добре.

И знаешь ты : арктические льдины
Растают все, там розы расцветут;
И путь один на пир земли, единный,
Пусть — запоздавшие, но все придут !

ПРОГУЛКА В ДОЖДЬ

Сильный ветер, дождь осенний,
Улица пуста,
Жизнь рабочих воскресений
Жалобно проста.
Затемненные оконца
Стенами вокруг —
Будто отняты от солнца,
Как от друга друг.
Здесь трава в камнях дороги
Жадно ловит свет,
Дети здесь больны и строги,
И веселых нет.
Не спеши уйти, прохожий,
От таких детей,
Будет здесь на свет похожий
Каждый из людей.
С нами все они построют
Замки и дворцы,
Наши головы покроют
Царские венцы.
Не кричи, детей разбудишь,
Как больная мать...
Скоро ты, как дети, будешь
Счастье обнимать.

Не дивись, что щёки влажны, —
Это дождь, вода;
Еслиб знал ты, как отважны
Счастье и беда.
Лишь на-время так печально
Девочка глядит;
Скоро, скоро и венчально
Счастье прилетит.
Еслиб знал ты, как прекрасна
Правда о земле,
Как она чиста и властна, —
И в добре и в зле.
Ничего, что сердце бьется
Будто-бы в огне;
Стихнет буря, улыбнется
Девочка в окне.

ПРАВДА

Знакомый голос осени, всё то-же
Кружение, но в хрупкой тишине
Лицо ее любимее и строже,
Как никогда, в венчальной вышине.

И в первый раз, быть может, так глубоко
Взволнован лес одеждой золотой, —
Летит она стремительно, широко
В лучах земли, прекрасной и святой.

Она подобна счастью и печали,
Она — как свет, желанный свет земли,
О ней, такой, мечтатели мечтали,
Когда на смерть их связанных вели.

ТРЕВОГА

Бывают дни на западе зимою —
Как-бы весенние, в потоках голубых;
Их тихий свет, простертый над травою,
Ласкает очи нищих и больных.

Сильней рука сжимает встречно руку,
И ищет взгляд смеющихся людей,
Как будто там, по солнечному кругу,
Звенит полетом стая лебедей.

К чему покой, как из последней силы! —
Его не просит совесть никогда...
Конечно, да, — его просили
Простые люди, сёла, города.

Покой им нужен для большого дела,
Для лучшего, что может жизнь им дать, —
Чтобы любовь без слез на них глядела,
Чтоб в братской крови им не пропадать.

Чтобы детей от отчего порога
Не увели для проданных мечей, —
Печальная встречается тревога
В сияньи даже золотых лучей.

В печали есть высокое значенье —
Как некий след возможности иной;
Порой она — как знойное влеченье
За темной монастырскою стеной.

Иную душу легкое забвенье
Уносит в даль миражных берегов, —
И слышит гениев земное пенье,
И тихий свет не ведает врагов.

Другой душе желанны уверенья
Творящих сил и радости большой;
Она — как образ нового творенья,
Как-бы сама жива иной душой.

И души есть такие, что в печали —
Подобна смерть возлюбленной сестре, —
Как будто-бы их царством величали,
Когда они в цепях и на костре.

Печаль полна видений близких —
Любви, добра и счастья на земле;
Как брачный плач она средь истин низких,
Как свет зари на траурном столе.

От света в ночь печально пробужденье,
Печаль живых — залог огромных дел;
С ночной землей луны такое бденье,
Чтоб мир живой как мертвый не летел.

В невинности, жестокости и боли
Уснули люди, близок час утра;
Скользит земля средь звезд в творящей воле,
Как будто нет и не было утрат.

И снится вновь кому-то сон чудесный,
Обещанный возможностью иной;
Кому-то вдруг высокий свет небесный
Грозит судьбой, как мертвою луной.

Навек ушел для всех и без возврата —
Как ты — единственный, неповторимый день;
Нашел-ли ты любовь, свободу, брата,
Иль чем венчал в себе неверие и лень.

Или в покорности велениям природы,
Как было в древности, ты ждешь конца,
Когда твои магические годы
Коснутся смертью твоего лица.

«МОНПАРНАСС»

Тихо-тихо, еле слышно —
И порочны и сухи —
Лепестками розы пышной
Обрываются стихи
О разлуке-умираньи
О неправедной судьбе;
В час похмелья, очень ранний, —
О любви и о себе.
И покорность фразой слезной
Бьется в жалобный рассвет,
Этой ночью, вновь беззвездной,
Стало ясно: счастья нет.
— Счастья не было, не будет,
Где подруга, где вино...
Эта тоже позабудет,
Как забытая давно... —
«Милый, милый, — час рассвета,
Нам пора, пора давно;
Как мне больно, песня эта —
Будто смерть »... — Мне всё равно :
Солнце страшное нам светит
В кокаине и тоске;
Кто нибудь в аду ответит
Раной черной на виске... —

...В расставаньи, в умираньи
И на грани пустоты, —
На рассветной синей длани
Стынут дымные мосты.
Бестелесно, в чадном круге —
И безвольно как нибудь —
Руки протянуть подруге,
Голову склонить на грудь...
И уходят навожденья,
Только пепел на софе
Стынет прахом всесожженья
Душ сгорающих в кафэ.
На заре предсветной , алой,
Будто созданный мечтой,
Встал народ незримой славой —
Трудной, творческой, простой.

ТОЛПА

И равнодушные не смеют
Остаться в сумрачной тоске,
Когда воителей алеют
Следы на огненном песке.

И в холоде огромной воли —
Как некой вечности расчет —
До новой радости и боли
Их неизбежное влечет.

И эта дальняя безмерность,
Иную душу затая
И обещание и верность,
Подобна смыслу бытия.

...и покорно исступленье,
Что иной свободы нет :
«Преступленье и смиренье
Жили вместе много лет.»

Что томишься ты и плачешь, —
Счастья нет в такой судьбе;
Много можешь, много значишь
В дни покорные тебе.

Правда, правда, — солнце всходит
И над добрым и над злым;
Но под солнцем — сердце бродит
По развалинам земным.

Ты боишься быть не тем-же
И привычным, как вчера, —
Плачь тогда и смейся меньше
В золотые вечера.

Может быть, тебя не тронет,
Он героев бьет теперь,
Злобою гремя на троне,
Твой хозяин или зверь.

Но погибнешь ты иначе
И погибнешь навсегда —
В равнодушии иль плаче, —
Если сильная беда.

ТЯЖЕСТЬ

Так птицы бьются вольные в руках —
Твои тоскуют и дрожат ресницы:
По западу несутся колесницы,
Рожденные в холодных облаках.

Они в бою с огромною звездой.
Горят в глазах твоих, как звездное причастье
Огни победные и скорбное, и счастье
Любви земной, великой и простой.

И как звезда в ночи — усилием людей
Взошла земля твоя высоким светом,
И не мечта уже : в сияньи этом
Идут наследники и вечности и дней.

И там душа твоя, и не в бреду, —
Растет, растет она под синью неба,
И множится она, как зерна хлеба,
Для всех людей, чтоб не были в аду.

Смотри вокруг — как много на земле
Возможностей для творчества любого...
О, как легко от ветра голубого
Все колесницы вспыхнули в золе.

Ты праздно ждешь, что вдруг родная
Душа сойдет к тебе с высот
И, вся небесная, рыдая,
С собою к счастью унесет.

Оставь порочные надежды,
И горечь вздорную невежды,
И умиленье над собой:
Лишь полюбивших любят боги
И тех, кто не сошел с дороги,
Сшибясь со встречною судьбой.

Очей любовное сиянье
Мерцает, падает, летит, —
К тебе, быть может, на свиданье,
Но слов твоих не говорит.

А ты всё ждешь, и тьма сомнений
Теснит в тебе твой чудный гений —
Который раз распятый вновь;
Наследнику земли небесной,
Как крылья звездные над бездной, —
Как власть тебе дана любовь.

1950 год

Печальны фонари ночной столицы
В тумане золотом,
Осенней памяти шуршат страницы
О бывшем и о том —
Что дни покорные сменялись властно
И уходили прочь,
Душа им жизнь дала, и не напрасно,
Но не могла помочь.
Она, одна, — бессильная, но души
Могли высоким днем
Восстать из тьмы и гибели и стужи, —
И творческим огнем.
Зима опять, и в небе холод —
Жестокий без затей —
Сжимает мир и этот странный город
Кружением смертей.
Но ты — с победою, и без сомненья
Иди на подвиг твой,
Огнем крепи и братством правды звенья, —
За счастье этот бой.

НЕПРИМИРИМОСТЬ

Не равнодушие в любви большой,
А ненависть и отвращенье;
Не может быть тому прощенья,
Что проклято любовною душой.

За мир свой бьется так она,
Как в поле бьется воин света;
Святым огнем ее земля согрета
И от погибели отвращена.

Нельзя любви враждебное любить
И ненависть, рожденную любовью;
Я вижу мать : склонилась к изголовью,
Чтобы дитя спасти, в нем смерть убить.

Мой друг, смотри, — неправый мир,
Весь в суете преступных извращений,
Он нами жив, его кумир
Возрос на темном всепрощеньи.

Мы дни считаем : есть предел
Его разбойничьей повадке,
Всегда он злобою хотел
Всех побеждать в смертельной схватке.

Будь светом, друг, он — только грязь, —
Два мира, разных без предела;
Вчера ты видел, как кренясь,
Земля над гибелью летела —

Перегруженная тоской
И подвигом, и преступленьем...
Не уступи ее позору и такой —
Сожженной болью и томленьем.

Когда вдруг варвары, на свет спеша,
Войдут в твой дом, мой друг, чтобы обидеть
Виденья чистые, когда душа
Твоя расскрыта будет, чтоб увидеть
Еще не бывшее и свет людей,
Где некого нам будет ненавидеть, —
Пребудь в видениях твоих, поэт,
Они — единные — и смысл и слава
Всего живущего. Звериная облава
Теснит на смерть тебя, но смерти нет.

ИСКУПЛЕНИЕ

Природу новую собою сотвори,
Не меньше ты её в правах глубинных;
По-детски смейся, плачь, но верностью гори
Как лётный свет на крыльях голубиных.

Восходит час утра мечтою голубой,
И светел он в твоей большой надежде;
Вокруг — твой мир, неистовый, как прежде,
Но счастьем дорогим быть может час любой.

Иди на площади, — воителей зови,
И бейся сам средь косности и робких;
Ты видишь — не было ни братства, ни любви
В самоспасении, в довольстве одиноких.

И не ищи себе спасения без всех :
Свободы нет в тебе без окрыленной цели —
Чтоб люди все в тебе как счастье пели, —
Не видеть жалобный, сквозь слезы страшный смех.

И эта смерть средь нас, — она и наш раздор,—
Покорность древнему велению природы;
Что знаешь ты, к чему твой жалкий взор
На все столетия, мгновения и годы...

ЕРЕТИКАМ

К чему псалмы и песнопенья
В блестящем храме над толпой,
И голос мертвого забвенья,
Кресты на ризе золотой;

И эти вздорные кадила,
Поклоны в злую пустоту,
Иль церковь снова пригвоздила —
Уже распятого — к кресту.

Молитвы жалкие струятся
В потусторонний небострой,
И ближние уже двоятся
Самоспасительной мечтой.

И всё останется, как прежде:
В грехе и прахе плотский мир,
Спасенье праздному невежде,
И где-то в небе праздный пир.

На хорах певчая октава —
Ответ вотще, но храм звенит, —
Его языческая слава
И без Христа к себе манит.

Сокройся, юная вдовица,
С своею лептой трудовой, —
Так в небе раненная птица
Об землю бьется головой.

Всегда с мечтою кто-то дружен —
С твоей мечтой пред алтарем;
Чиновник веры им не нужен
Под золоченным стихарем.

Твое лицо иконы строже,
Любовно царствие твое,
Тебе и здесь всего дороже
Земной улыбки бытие.

Ты больше ангелов небесных
В твоем величии земном,
И только глаз твоих прелестных
Коснулась ночь недобрым сном.

Пусть в хладном сердце о небесном
Свивают темные слова, —
Ты не уймешься в слове тесном,
Твоя кружится голова

От безначального влеченья
Среди небес любви земной,
Она — и жизнь и назначенье —
Сияет счастьем пред тобой.

ПОКОРНОСТЬ

Монастырская потреба,
И напрасней жизни нет :
Ночь печальных звезд и неба,
Над живыми — мертвый свет.

Это значит — в жизнь не верить
Человеческих сердец,
Что земного царства двери
Не отворят, наконец.

Это значит — поневоле
Надо жить, чтоб умереть,
Собранной травою в поле —
Как-бы плевелы — сгореть.

Торжествует скорбной песней
Песнь о царствии в золе;
Будто-бы она небесней
Брачной песни на земле.

ЗА СТЕНОЙ

Город тихий — город мертвых,
Липы солнечно цветут,
Много новых, много стертых
Плит надгробных — там и тут.

Отзовись под черной плитой,
Жанн Кюжас семнадцать лет! —
Что-же, с лучезарной свитой
Смотришь ты на новый свет?

Или мертвое сгубило
Синий сон твоих очей,—
Распластало под могилой
Среди каменных ночей?

Или звездная тревога
Унесла тебя, несет
Мимо отчего порога
В этот свадебный полет?

Или, в брачное играя,
Будешь девою кружить,
Что-бы, вечно замирая,
Мертвой не быть и не жить?

ЖЕНЩИНА В ХРАМЕ

Расскажи мне что с тобою, —
Не печаль в тебе, не страх, —
Много любишь, иль с судьбою
Подружила на крестах;

Что-же лунная лампада —
Не пожарищем горит,
Иль она тебе не рада, —
Ничего не говорит?

Здесь привычны и покорность
И вериги на плечах, —
Не твоя хмельная гордость
С жарким пламенем в очах.

Или вспомнить ты хотела
Над лампадою слепой —
Как над счастьем пролетела,
И без власти над собой?

Ни к чему в библейском споре
Счастье сердца, и сиять
Царской силою во взоре,
И покорною стоять.

TOUR EIFFEL

Прозрачен вечер на окне —
В притихшей зелени осенней;
Отражены дома в бассейне
И небо — в пламенном огне.

Мечтою каменною вкруг
Взволнован город, в час печальный, —
У сердца стынет как венчальный
Привычный и недобрый друг.

Тяжелой памятью припал
И бьется покаянным криком
Ушедший день пред светлым ликом,
Кого беспомощно предал.

Ты слышишь голос в крике том,
Как страшен он, на твой похожий...
Скользнул зевающий прохожий
По взгляду взглядом, — как хлыстом.

Старик бездомный в улицах ночных
Мечтал о чуде, в поисках ночлега, —
О радостях съедобных и мясных,
О хлебе сладостном, белее снега.

К большому вкусу к жизни и еде
Прибавил он еще мечту надежды —
Найти-бы золото, что-бы в беде
Сухая боль не обжигала вежды.

И счастье вспыхнуло жестоко, вдруг,
Как еслиб он врага на смерть обидел,
Взметнулся огненный у се́рдца круг, —
Он золото у ног своих увидел.

На тротуаре, под большой луной,
В движениях отчетливо крылатых,
Плевок сиял монетой золотой
Среди домов тяжелых и богатых.

Умирали розы на кресте,
Жарко свечи таяли в тумане,
Говорил священник о Христе,
Говорило сердце об обмане.

Не пойдет священник за Христом,
Сердце тоже не умрет с любовью,
Только вечность каменным перстом
Лучшим всем грозит крестовой кровью.

И герои гибнут на местах,
Ничего иным от них не надо:
Крепки гвозди на больших крестах,
Чтоб земное вытянуть из ада.

За стеною — городской сполох,
Глухо заперты чужие двери,
Грязный нищий знал, как сам он плох,
Чтобы, день большой, любить и верить.

БОСЯК

Поэма

Средь камней и ночи зимней,
В темном образе калек,
Под росою снежной, синей,
Засыпает человек.

Нищете своей послушный,
День холодный и ненужный
Он прошел, спеша пройти,
Потому что всем он лишний,
Потому что только нищий
Он, без цели и пути.

Ночь теперь. Ночные своды
В ярких звездах. Синь легка.
И несет стальные воды
Прочь столичная река.

Легко-каменной свободой,
В споре с дикою природой,
К звездам высятся дома.
Нищий к ним идет и ищет
Дом знакомый. Ветер свищет,
Снегом искрится зима.

Над рекою — тени арок,
Свет хрустальных фонарей, —
От рабов царя подарок, —
Золотых полет коней.

Он проходит мост широкий,
Тротуар ночной и строгий,
Мягкой лестницы уклон;
Света тихое мерцанье,
Двери настежь, восклицанье, —
Как к себе заходит он.

Друг он опытный и нежный, —
Человек среди людей, —
Отряхает иней снежный
На смеющихся детей.

Отражает свет зеркальный
Стол под скатертью овальный,
Жаром дышащий обед,
И улыбки, и наряды,
И глаза, что гостю рады...
Сам он празднично одет.

— Вы откуда? — «Из больницы,
И не доктор я опять :
Все больные будто птицы
Улетели погулять.

Нынче я — садовый гений:
В дальнем поле в день весенний
Снова встретимся, и мы —
Уговор такой меж нами —
Пустошь сделаем садами,
В парках скроются холмы.» —

Гостя слушают и рады
Слову каждому внимать,
И детей сияют взгляды
И на гостя и на мать.

Говорит умно и много,
Весело, порою строго
И печально иногда;
Добрый он как надо людям
Власть имеющим и судьям,
В жизни праведным всегда.

За окном в огнях чугунный
Открывается балкон;
Вся земля и вечер лунный —
Как сбывающийся сон.

И терассы этажами
На домах больших — садами,
В лунном серебре цветут;
Гости, скрипки, звуки льются,
Все влюбленные, смеются,
Из цветов венки плетут.

Он прославлен, он играет,
И рояль большой звучит,
Сердце счастьем замирает,
Мир внимает и молчит.

Белыми крылами руки
Операются на звуки
И грозят судьбе слепой;
Он с землей летит, несется,
Во вселенной счастьем бьется, —
Увлекает за собой.

Видит он как воплощают
Звуки вечную мечту :
Хочет он, как души чают, —
Не погибнуть на лету;

Испытать и царство славы,
Жертву сладостной отравы,
И свободу, и любовь;
Чувство невозможной смерти,
И сиянье звездной тверди,
Сердца творческую новь...

Фейерверки над рекою
Звездной россыпью горят,
Смелой ловит он рукою,
В ночь бросает их опять.

Этот праздник — в честь удачи,
И не может быть иначе —
Он творил для всех людей:
И машины и турбины,
И не гнутся нынче спины
У отцов и матерей;

И техническою новью
Овладело и дитя.
— Как вы сделали? — «Любовью!»—
Отвечает он шутя.

Он строитель, — вот награда! —
Будет лучшее... И рада
Сотворенному душа.
— « Всё для всех, и это — наше!
Что есть лучше, что есть краше», —
Шепчет он, едва дыша.

И законы все простые,
Жизнь прекрасна и тиха,
Люди все, как в дни святые, —
Без вражды и без греха.

Лодки плавают, кружатся,
Волны теплые ложатся
На реке, среди цветов;
И глядят в цветную воду
Как в любовную свободу
Очи дев, как очи снов...

В лодку сел он. Лодка в глине,
И несет ее река,
Гонит лодку по стремнине
Хладный ветр издалека.

Волны пенятся, заносят,
Вёсла волны бьют и косят, —
Страшный бег не удержать;
Чует он голодный холод;
Всё не то, и он не молод, —
Больно на земле лежать.

Он встает, спешит укрыться
От земли и сквозняка;
Сон-ли это только снится
Для больного босяка!..

Стены, ямы, переулки;
Тяжелы, поспешны, гулки,
Неуверенны шаги;
И, враждебные, единны
Все дома, — как будто льдины
Для негнущейся ноги.

Видит площадь он. Привычно
Всё вокруг — как ночь без сна;
И луна над ним обычна —
В желтой мути, не ясна.

И на площади пустынной
Кто-то с крытою корзиной —
С райской птицею живой, —
Вдруг подходит, обнимает,
Головой ему кивает, —
Не живою головой.

Снял с когтями рукавицы,
Говорит : «Пришел просить?» —
Общипал живую птицу,
Разломил и дал вкусить.

— «Всё абстрактно, объективно ! —
Что-ж не кушаешь, противно
Певчей крови горечь пить?» —
Слышит голос он. И следом
Тот бежит за ним с советом —
Как любить и что любить.

И от огненной занозы
Сердцем бьется боль и страх,
Горечь мертвая и слезы
Стынут желчью на губах.

Прочь бежит он в страхе диком
От торговца с мертвым ликом
По знакомому мосту.
Звезды на небе бледнеют,
Стынет тело, руки млеют, —
Как прибитые к кресту...

Средь камней и ночи зимней
Озирает свой ночлег,
Будто снег на камнях иней,
Будто есть в Париже снег.

Хочет лечь он, и не может,
Память мутная тревожит,
Вспоминает он, дрожит;
Видит сумку с давним хлебом
И себя под страшным небом:
Он как каменный лежит.

Тусклый свет баржи маячит,
Тень воды легка, ясна,
И земное сердце плачет,
Просыпается от сна.

СОН О ЧЕЛОВЕКЕ

Синий свет на ратном поле.
Ночь, луна и снег везде.
И, в необычайной воле,
Тело тянется к звезде.

Понимаю — будто ранен,
Не смертельно, боли нет,
Только — сам себе я странен, —
Будто вечностью согрет.

И не страшно замиранье,
Длится чувство : если встать —
Снова будет снег по ране
Черным пламенем хлестать.

И не знаю как подняться,
Как итти, куда итти,
И в дыхании двоятся
Жизне-смертные пути.

Но я вижу : полем снежным —
Не в броне, не на коне, —
Человек стремленьем спешным
Приближается ко мне.

Полон простоты нетленной,
Проще радости земной,
Как хозяин всей вселенной —
Просто так — пришел за мной.

И уносит по сугробам...
А над нами свет такой —
Будто по таким дорогам
Ходит огненный герой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА :

Тяжелые Птицы (изд. 1936 г. Париж)

Звезды в Аду (изд. 1946 г. Париж).

В потоке Света (изд. 1949 г. Париж).

Imprimerie Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris (5e)